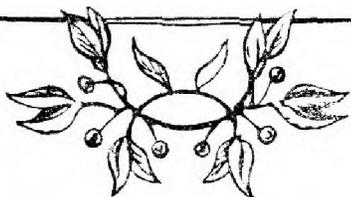

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. С. Грибоедов

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЗА САМОБЫТНУЮ
НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ¹

Чацкий.

...Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?

Софья.

Смесь языков?

Чацкий.

Да, двух, без этого нельзя ж.
«Горе от ума», действ. 1-е, явл. 7-е. Соч., т. II, стр. 20.*

Софья (*Чацкому*).

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий.

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями,
Своя провинция! Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;

* А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. АН, СПб., 1913.
Все ссылки по этому изданию.

Такой же толк у дам, такие же наряды...

Он рад, но мы не рады.

Умолк, и тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон:

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» —

Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.

Куда деваться от княжен!

Я одадь воссылал желанья,

Смиранные, однако вслух,

Чтоб истребил господь нечистый этот дух

Пустого, рабского, слепого подражанья;

Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,

Кто мог бы словом и примером

Нас удержать, как крепкою возжой,

От жалкой тошноты по стороне чужой.

Пускай меня отъявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат

С тех пор, как отдал все в обмен, на новый лад —

И нравы, и язык, и старину святую,

И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;

Движенья связаны и не краса лицу;

Смешные, бритые, седые подбородки!..

Как платья, волосы, так и умы коротки!..

Ах! если рождены мы все перенимать,

Хоть у китайцев бы нам несколько занять

Премудрого у них незнания иноземцев.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев.

«Как европейское поставить в параллель

С национальным — странно что-то!

«Ну, как перевести мадам и мадмуазель?

«Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то.

Вообразите, тут у всех

На мой же счет поднялся смех.

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!!»

Я, рассердясь и жизнь кляня,

Готовил им ответ громовый;

Но все оставили меня...

Я читал в Сыне Отечества балладу: «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, — это очень важно, есть ли только справедливо; сомневаюсь, подлинно-ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии! <...>

Грамматика у г. рецензента своя, новая и с родни его логике; она, напр., никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город *под* звон колоколов, плясать *под* музыку. — Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением; но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно. <...>

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее. *

Также ему не по-сердцу восклицание *ах!* когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

На сраженьи пали Шведы,
Турк без брани побежден,
И желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С пещьми, с бубнами, с трубами,
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Слово: *Турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова и в простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: *с пещьми*. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее: и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется. —

* Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пинтической простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

Далее он изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь* — «подумаешь, замечает он, что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и верно не один, что мать просто хочет говорить с дочерью. —

Еще не нравятся г. рецензенту стихи

...В Украине дальней,
Есть ли кляв не чтя своих,
Обшел налой венчальной
Уж с другою твоей жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть неверной
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно, между тем, почему это хорошо, а Русские стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налой, при котором венчаются, назывался наложным венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет: *слезный* ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен: поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романтическим.

* * *

— Где живешь? скажи неместно.
Что твой дом? велик? высок?
«Дом землянка». — Как в ней? — «Тесно».
— А кровать нам? — «Шесть досок».
— В ней уляжется-ль невеста? —
«Нам двоим довольно места».

Стих: «в ней уляжется-ль невеста?» заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? — Что-ж ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? — Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос.

...Потом г. рецензент, от нечего делать, предлагает несколько вопросов для решения, от нечего делать, говорю я, потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, напр., в стихах:

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор.
С двери вдруг, хлыста ударом
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое *наскакал на забор*? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что *наскакал на забор* значит примчался во всю прыть к забору. <...>

Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукал в землю — провалился
И на веки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? — Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. <...>

...Я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен между прочим хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в Русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel.

т. е. «пустился во весь опор на железные решатчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. рецензент: *«быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду. Так точно французское: ventre à terre можно перевести брюхом по земле.*

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren.

А Ольга в русской балладе:

Нет надежды, нет, как нет!

Рецензент кричит: *нет! не то! не то! не то!* Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. <...>

Но нет! г. рецензент не мог отговориться: судить криво, бранить какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении — подвиг немноготрудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия в роде той, которая сделана на Ольгу. — Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт — лучшее доказательство.

Переношусь в Тенгелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, но мне, будто невзначай попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманит отдаленье.

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаленье просто значит, что предмет удаляется: есть-ли припятать, что пыль туманит отдаленье, можно будет сказать: что она туманит *удаленье и приближение*. Но за сим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для рифмы. О, рифма!.. Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости *надежда-сладость*.

Надежда-сладость. — Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим, для того чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Напр. девица-краса, любовник-воин, но надежда — всегда сладость. Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

Не призвать минувших дней
Что прошло, не возвратимо.
Возвращу-ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. <...>

И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облечены.

Облеченны вместо *облечены* нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь... К Людмиле крадется мертвец на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шопотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милой говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
«Помнит друга, иль забыла?» и т. далее.

Этот мертвец слишком мил: живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестает говорить человеческим языком, но все-таки говорит много лишнего, особенно когда подумает, что ему дан *краткий, краткий срок и миг страшен замедленья*.

Мы коней своих *седлаем*,
Темны кельи *покидаем*.

Такие стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно *темного плоски*.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь,
Ты моя — мою будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтобы уговорить Людмилу за собой следовать, очень оригинален:

Чу! совы пустынной крики!
Едем, едем...

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив, и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это *чу!* слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
Чу! полночной час звучит
Чу! в лесу потрясса лист!
Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в Людмиле есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзой конь заржал.
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь! колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы например после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукою и помчалась с ним:

Скоком, летом по долинам. —

Дорогой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвой и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила верно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем дорогой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

Легким светлым хороводом,
В цепь воздушную свились.

И вокруг ее:

Поют воздушны лики,
Будто в листьях повелики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон Аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую ранний ветерок.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

1816. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора».² Соч., т. III, стр. 14—25.

1. В Уставе декабристской организации Союза Благоденствия рекомендовалось при сочинениях и переводах «обращать особое внимание на обогащение и очищение языка». Все писатели-декабристы в своей деятельности настойчиво осуществляли это положение. Так, один из представителей декабристской литературы, член Коренной думы Союза Благоденствия Ф. Глинка требовал «освобождать язык наш, столь же сильный и величественный, как и самый народ русский, от нашествия иноплеменных наречий». Ибо «Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия галлов и двенадцати языков; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых наречий в священных пределах словесности своей... Где во всей вселенной не говорят теперь о России? И где говорят языком ее?.. Имя Отечества нашего сияет славою немерцающею, а язык его безмолвствует!»

Стремление вывести «отечественный слог» на путь, соответствующий национальному сознанию, окрепшему в годы Отечественной войны 1812 г., призывы к расширению народно-национальных основ родного языка определяли языковую политику и практику декабристов и Грибоедова.

2. Статья Грибоедова «О разборе вольного перевода Бюргеровской баллады «Ленора» была вызвана выступлением в печати Н. И. Гведича со статьей «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора», направленной против П. Н. Катенина, напечатавшего перевод «Леноры» под заглавием «Ольга». Смысл катенинского перевода заключается в дискредитации принципов карамзинистов, жанра романтической баллады Жуковского, в попытках создания русской национально-самобытной баллады, в борьбе за народность в языке и стиле. Грибоедов стоит на той же позиции, что и Катенин.